

В. А. Зверев

СТАРТ МОДЕРНИЗАЦИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ И СЕЛЕНИЯХ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Опубликовано: Зверев, В. А. Старт модернизации : демографические процессы в городах и селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) / В. А. Зверев // Сибирь в XVII–XX вв.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь : сб. науч. тр. / отв. ред.: А. П. Деревянко, В. А. Ламин. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2006. – С. 57–72.

Историко-демографические и смежные с ними по проблематике исследования Сибири второй половины XIX – начала XX столетия долгое время развивались таким образом, что город и деревня – две крупнейшие поселенческие составляющие регионального сообщества – оказывались в определенной обособленности друг от друга. По существу, разобщенность продолжает сохраняться и теперь. Если рассмотреть наиболее продуктивный период развития советской историографии (начиная с 1960-х гг.) и современный период, то обнаруживается следующий расклад. Историки-«деревенщики», среди которых следует назвать Л. М. Горюшкина, Е. И. Соловьеву, В. И. Пронина, В. А. Зверева, наряду с другими вопросами, изучали сельское народонаселение Сибири – источники и порядок его складывания, динамику численности и размещения, сословную и социально-классовую структуру, семейную организацию, порядок физического и социокультурного воспроизводства. Историки города, в том числе А. Р. Ивонин, В. А. Скубневский, Н. М. Дмитриенко и особенно Ю. М. Гончаров осуществляли сходную работу применительно к городскому населению, преимущественно западносибирскому. Созданы труды, в которых нашли отражение некоторые общие параметры всего сибирского населения, но без подробного рассмотрения специфики и взаимосвязи его городской и деревенской составляющих¹. В то же время исследования, охватывающие и

город, и деревню, тем более специально посвященные сопоставлению демографии обоих поселенческих комплексов, являются малочисленными, небольшими по объему, преимущественно постановочными. В конкретном плане в них рассматриваются немногие (хотя и немаловажные) вопросы на основе привлечения относительно небольшого круга вторичных источников².

Докторская диссертация А. Н. Сагайдачного, защищенная в 2000 г., стала одним из немногих специальных, монографических по формату, исследований демографии Азиатской России эпохи капитализма. Хотя в ней не ставилась специальная задача выявления взаимосвязи, общих и особенных черт в демографии городских и деревенских комплексов Западной Сибири, замысел работы предполагал такую возможность. Диссертация и ее автореферат³ содержат многочисленные сравнительные характеристики демографических состояний, присущих селениям и городам. Однако источники для исследования – реляционные базы данных, созданные автором в ходе обработки метрических книг и первичных карточек переписи 1897 г., включают сведения только о восьми селениях и трех малых городах, поэтому сам Алексей Николаевич вполне справедливо не считал возможным «абсолютизировать результаты этого достаточно локального исследования и распространять полученные данные и выводы на территорию всей Сибири»⁴. Кроме того, в диссертации А. Н. Сагайдачного главным образом описывается статика различных элементов демографической подсистемы общества, но важно также выявить ее историческую динамику – описать и объяснить происходившие в изучаемую эпоху изменения.

Принимая в расчет состояние историографии темы, в настоящей статье автор стремится *решить следующие задачи*: 1) сопоставить важнейшие показатели развития «естественной» составляющей воспроизводства населения (брачность, рождаемость, смертность, естественный прирост, продолжительность жизни), раскрыть и объяснить динамику этих показателей в масштабах всей Сибири, в деревенском и городском региональных сообществах; 2) кратко охарактеризовать главные из

обнаруженных демографических процессов, тот исторический тип естественного воспроизводства населения Сибири, который был характерен для периода 90-х гг. XIX в. – 1914 г. Хронологические рамки охватывают *период наиболее активного проявления в России признаков начальной стадии демографического перехода*, или демографической модернизации⁵. Территориально Сибирь рассматривается в границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей.

Многочисленна обработка материалов текущей административной статистики о количестве населения, числе родившихся и умерших в городах и селениях сибирских губерний и областей – такие материалы ежегодно публиковались подразделениями Министерства внутренних дел⁶. Обработана также информация о количестве браков, собранная губернскими и областными статистическими комитетами⁷. Проведено, в частности, суммирование ежегодных абсолютных показателей во всех административных единицах, осуществлена их хронологическая группировка по 4–5-летним периодам, вычислены важнейшие относительные показатели масштабов и интенсивности демографических процессов. Построенные диахронные ряды исчисленных показателей по Сибири (см. таблицу) сопоставлены с имеющимися в литературе или подсчитанными мною данными по Европейской России, Российской империи в целом, с сибирскими материалами других историков, и в итоге получены следующие выводы.

Динамика демографических процессов в Сибири в поселенческом разрезе (конец XIX – начало XX в.), на 1000 чел. населения*

Годы	Брачность	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
В сельском населении				
1902–1905	7,9	48,0	30,9	17,1
1906–1909	9,2	52,7	33,6	19,1
1910–1914	8,3	52,6	32,2	20,4
В городском населении				
1902–1905	7,4	42,7	34,4	8,3

1906–1909	10,0	49,1	38,1	11,0
1910–1914	7,2	40,9	29,2	11,7
В целом по региону				
1892–1896	...	48,8	35,7	13,1
1897–1901	8,3	49,9	32,0	17,9
1902–1905	7,8	47,5	31,2	16,3
1906–1909	9,6	52,3	34,0	18,3
1910–1914	8,1	51,5	31,9	19,6

* Составлено по данным: *Зверев В. А.* Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 133, 138, 142; *Он же.* «Любо – так к венцу»: Брачность русского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Православные традиции в народной культуре восточнославянского населения Западной Сибири в конце XIX – XX в. Новосибирск, 2005. С. 12.

Брачность населения

Как установлено отечественными учеными, в Европейской России, начиная с последней трети XIX в., общий коэффициент брачности населения последовательно снижался, в 1911–1913 гг. он упал до 8,2 ‰, в том числе в городах – до 6,7, в деревнях – до 8,4 ‰. Снижение в крупных городах было более заметным, чем в малых, в целом среди городского населения оно проявилось сильнее, чем в селениях⁸. Б. Н. Миронов трактует эти факты как важные проявления начавшегося в стране демографического перехода. Барнаульские историки В. А. Скубневский и Ю. М. Гончаров, опираясь на разрозненные данные за отдельные годы, пришли к выводу, что в городах Западной Сибири в изучаемый период тоже «прослеживается устойчивая тенденция к снижению уровня брачности»⁹. При аргументации этого положения они привлекли и наши данные об изменении коэффициентов брачности во всем населении Западной Сибири, без разделения на городское и сельское¹⁰. Однако на самом деле эти и другие репрезентативные данные не дают оснований для столь однозначных выводов.

Теперь мы имеем гораздо более полную картину динамики общих коэффициентов брачности и в городах, и в селениях всей Сибири (см. таблицу). Выясняется, что интенсивность брачности в целом по региону

сократилась в 1902–1905 гг. по сравнению с 1897–1901 гг., но затем в 1906–1909 гг. резко выросла, чтобы в 1910–1914 гг. снова уменьшиться – до уровня несколько более низкого, чем в 1897–1901 гг. Привлеченные источники не позволили высчитать показатели отдельно по городам и селениям за 1892–1901 гг., но в последующее время и городская, и деревенская динамика соответствует общесибирским закономерностям¹¹.

Таким образом, не подтверждаются прозвучавшие в литературе выводы о том, что в условиях начавшегося в России демографического перехода в конце XIX – начале XX в. происходило последовательное снижение брачности сибиряков, в первую очередь – горожан. Конечно, можно быть уверенным, что понижение интенсивности брачности как *латентная демографическая тенденция* действительно пробивала себе дорогу. Ее подпитывали обстановка неурожайных лет (1900–1901, 1911), участие России в военных конфликтах (1900, 1904–1905, 1914 и последующие годы), революционные потрясения 1905–1907, 1917 гг. – условия, заставлявшие многих сибиряков откладывать свои свадьбы или вовсе воздерживаться от вступления в брак. Однако безраздельному господству этой тенденции противодействовал ряд мощных социальных, экономических, демографических и политических факторов. В долговременном плане *модернизацию брачности тормозили*: 1) «окрестьянивание», руризация городов в эпоху начинавшейся урбанизации (брачность в крестьянской среде была выше, чем у городских сословий – из-за сильного превышения числа мужчин над женщинами и роста безбрачия в городской среде); 2) натурализация и в деревнях, и в городах Сибири большого количества аграрных мигрантов, особенно в 1906–1913 гг. (переселенческая среда была относительно молодой, заинтересованной в быстром решении матримониальных проблем для пополнения своего рабочего состава); 3) возможно, рост благосостояния некоторых категорий населения Сибири в условиях «осереднячивания» здешней деревни, в периоды промышленного подъема в городах. Среди конъюнктурных факторов временного, но

заметного повышения «свадебной активности» отметим только естественную для молодых людей необходимость компенсировать «брачную паузу» после окончания Русско-японской войны в 1906–1907 гг.

Рождаемость в среде сибиряков

Согласно исследованиям Б. Н. Миронова и его предшественников, со второй половины XIX в. в Европейской России повсеместно снижалась рождаемость, причем в городах быстрее, чем в селениях¹². Наши подсчеты показывают, что снижение рождаемости было характерно для населения всей Российской империи: в интервале между 1892–1896 и 1910–1914 гг. рождаемость в стране сократилась с 44,5 до 40,6 ‰, при этом в городах конечный итог сокращения составил 32, а в деревнях – 41,9 ‰¹³. Что касается Сибири, то в литературе долгое время воспроизводились сведения А. Г. Рашина, согласно которым рождаемость в регионе в начале XX в. несколько не уменьшалась, а удерживалась на высоком уровне в 48–51 ‰¹⁴.

Мои расчеты по Сибири уточняют и дополняют сведения А. Г. Рашина. Во-первых, они сделаны в более широких хронологических границах, включающих конец XIX в., с учетом уже скорректированных рамок этапов демографической истории региона. Во-вторых, уточнены территориальные границы Сибири – из них исключены Дальний Восток и Семипалатинская область. В процессе анализа результатов нового подсчета (см. таблицу) выясняются следующие обстоятельства.

В нашем крае на рубеже XIX–XX вв. рождаемость имела несколько более высокие показатели, чем в Европейской России и в целом по стране, это касается и сельского, и городского населения. Долгое время она не сокращалась и даже, пожалуй, обнаруживала тенденцию к увеличению. Наибольшей интенсивности за весь досоветский период рождаемость и в городах, и в деревнях Сибири достигла в 1906–1909 гг. Главной причиной этого, по-видимому, стала высокая рождаемость в семьях многочисленных

переселенцев столыпинской волны: большинство их образовалось недавно, они состояли из относительно молодых по возрасту людей, были заинтересованы в увеличении числа «земельных душ» и рабочих рук. Кроме того, здесь полезно вспомнить, что некоторое повышение рождаемости – это характерное проявление начального этапа модернизации демографической сферы общества: оно происходит ввиду общего улучшения благосостояния населения, стартовых успехов профессиональной медицины и пр.

В то же время в 1902–1905 гг. в регионе наблюдался временный спад рождаемости. Вероятно, он проявился и в городах, и в селениях – негативно сказались последствия неурожая начала века, политические потрясения 1904–1905 гг., сопровождавшиеся, в частности, массовым призывом на Русско-японскую войну молодых мужчин. Второй момент снижения рождаемости в Сибири пришелся на 1910–1914 гг., особенно сильно он проявился в городском населении. Этот спад пока еще принципиально не изменил демографическую ситуацию в регионе, рождаемость в селениях оставалась неконтролируемой. Однако применительно к городам, возможно, следует говорить уже об относительно зрелом признаке начавшегося демографического перехода: все более широкие слои городского населения втягивались в процесс «планирования семьи» и регулирования рождаемости.

Смертность населения

В Европейской России, по данным С. А. Новосельского, которыми оперируют и современные ученые, во второй половине XIX – начале XX в. масштабы смертности населения постепенно снижались, причем в городах этот процесс происходил быстрее, чем в селениях, в крупных городах – заметнее, чем в малых, среди привилегированных слоев населения – значительно, чем в низших слоях¹⁵. Наши расчеты применительно к рубежу XIX–XX вв. показывают, что такая закономерность действовала в рамках всей страны. В период между 1892–1896 и 1910–1914 гг. в населении

Российской империи общий коэффициент смертности уменьшился от 32 до 25,3 ‰, в интервале с 1902–1905 гг. до мировой войны в городах он снизился с 26 до 23, в деревнях – с 28,2 до 25,7 ‰¹⁶. Сокращение масштабов смертности можно трактовать как проявление разворачивающейся в стране демографической модернизации, ведь последняя проявляется, в частности, в замене равновесия высокой рождаемости и смертности равновесием низкого уровня рождаемости и смертности.

В. А. Скубневский и Ю. М. Гончаров распространяют вывод о последовательном снижении смертности на рубеже XIX–XX вв. на города Западной Сибири, при этом они опираются на данные, опубликованные ранее мной и Н. М. Дмитриенко¹⁷. Результаты моих расчетов, привлеченные в более полном объеме, показывают, что на самом деле ситуация со смертностью развивалась в Сибири не столь прямолинейно (см. таблицу). Обращает на себя внимание тот факт, что в Сибири показатели смертности в изучаемую эпоху держались на уровне более высоком, чем в Европейской России и Российской империи в целом. В промежутке между 1892–1896 и 1902–1905 гг. коэффициент смертности населения Сибири сокращался. По-видимому, эта тенденция существовала и в городах, и в селениях, взятых по отдельности, но точно описать параметры ее проявления здесь невозможно ввиду отсутствия данных. В 1906–1909 гг. произошел скачкообразный прирост смертности и городского, и деревенского населения, который, впрочем, в масштабах всего региона не привел к ее возвращению на уровень начала 1890-х гг. Вряд ли увеличение смертности в годы Столыпинской аграрной реформы являлось проявлением каких-либо процессов возвратного, по отношению к демографической модернизации, характера. Главную роль здесь, как и в случаях с брачностью и рождаемостью, сыграл массовый наплыв в Сибирь переселенцев: в первые годы жизни на новых местах, в весьма неблагоприятных условиях, смертность (особенно детская) в их среде была гораздо выше, чем у сибиряков-старожилов.

Важно, что в 1910–1914 гг., после временного всплеска, смертность населения Сибири вновь снизилась, причем в городской среде очень сильно – сразу на 9 пунктов. В результате этого коэффициент смертности в городах впервые за все доступное нам для наблюдения время оказался меньше, чем в селениях. Вероятно, этот факт можно считать ярким симптомом начавшегося на востоке России демографического перехода. Динамика смертности в городах, где быстрее проявлялись прогрессивные изменения в медицинском обслуживании, санитарно-гигиенической культуре и жизнеохранительном поведении жителей, в условиях наметившейся урбанизации отражает одну из самых перспективных тенденций развития демографической сферы Сибири.

Естественный прирост населения

Естественный прирост населения объединяет рождаемость и смертность в рамках единой системы непрерывного физического воспроизводства поколений. Последовательное увеличение коэффициентов естественного прироста в масштабах страны или больших регионов, достижение высоких значений в диапазоне 15–20 ‰ однозначно трактуется специалистами как проявления начальной стадии демографической модернизации общества.

В Европейской России, согласно авторитетным данным А. Г. Рашина, Б. Ц. Урланиса, А. Я. Боярского, на которые опираются и современные исследователи, коэффициент естественного прироста с середины XIX столетия повышался, в период с 1896 по 1914 г. он достиг обычных значений в 16–18 ‰¹⁸. В целом по Российской империи, по моим подсчетам, показатель, составлявший в 1892–1896 гг. 12,5 ‰, на рубеже веков, в 1897–1909 гг., достиг значений более 16, но немного снизился перед мировой войной, составив в 1910–1914 гг. 15,3 ‰. Интересно, что в начале XX в. в городах России фиксируется снижение естественного прироста – с 10,7 в 1902–1905 до 9 ‰ в 1910–1914 гг. В деревенской среде в том же временном

диапазоне также обнаруживается небольшое сокращение (с 16,7 до 16,2 ‰), но прерываемое подъемом в 1906–1909 гг. – до 17,1 ‰¹⁹.

В отличие от центральных губерний и страны в целом, Сибирь изучаемого периода предстает как край с *почти последовательно нарастающим естественным приростом* населения (см. таблицу). В целом по региону коэффициент прироста увеличился между 1892–1896 и 1910–1914 гг. наполовину – на 6,6 пунктов. Некоторый сбой в указанной тенденции случился лишь в 1902–1905 гг., его можно объяснить социальной и политической напряженностью в обществе, последствиями неурожая начала века, перерывом в переселенческом движении. В начале XX в. естественный прирост в сибирских городах был заметно ниже, чем в деревнях, но в обоих видах поселенческих комплексов показатели неуклонно повышались. К концу изучаемой эпохи в селениях Сибири коэффициент превысил 20 ‰. Это означает, что в самом многочисленном слое населения, в среде крестьянства, начался *«демографический взрыв»* – яркое явление, характерное для начальной стадии демографического перехода.

Исторический тип воспроизводства населения

Описанные выше количественные показатели режима естественного воспроизводства населения Сибири являются своеобразными индикаторами состояния качественных, содержательных характеристик демографической сферы общества. Обобщение количественных и качественных черт физического возобновления поколений горожан и сельчан позволяет обсуждать вопрос о наличном историческом типе воспроизводства населения. Применительно к Европейской России, всей Российской империи в целом А. Г. Вишневский, Б. Н. Миронов и их последователи считают возможным утверждать: во второй половине XIX – начале XX в. здесь господствовал традиционный (экстенсивный, деревенский) тип естественного воспроизводства, который характеризуется слабой

подконтрольностью, стихийной властью высокой смертности (особенно младенческой и детской), влекущей за собой непомерную компенсаторную рождаемость, низкую продолжительность жизни, большую «затратность» и высокую скорость смены поколений. В то же время наблюдались стартовые проявления, начальные признаки перехода к новому, современному (модернизированному, городскому) типу воспроизводства, которому присущи сознательное регулирование рождаемости, минимализация смертности, высокая продолжительность жизни людей, «экономный» режим замедленного возобновления поколений и т. п. На рубеже XIX–XX вв. признаки начала перехода (или демографической модернизации) уже явственно обнаруживаются статистически, но в полной мере он развернулся только в 1920-х гг., по существу не завершившись до сих пор, поскольку развивался в обстановке неприятия обществом и государством главной ценности демографической модернизации – свободы личной жизни человека.

В демографической истории досоветской Сибири теорию демографического перехода применяли автор настоящей статьи, вслед за ним – А. Н. Сагайдачный, Ю. М. Гончаров и др. Можно считать доказанными (в том числе и материалами настоящей статьи) следующие наши выводы:

1. Людность и структура семьи, брачность, рождаемость, смертность населения Сибири, как и России в целом, оставались на рубеже XIX–XX вв. в основном традиционными. Об этом свидетельствуют высокие, как в целом по региону, так и в отдельно взятых городах и деревнях, коэффициенты брачности, рождаемости, смертности, преобладание ранних браков, минимальная распространенность разводов, малое количество повторных браков, большое число деторождений у средней брачной пары, сверхвысокая младенческая и детская смертность, тесная связь годового цикла рождаемости и смертности, народного демографического и церковного календаря (распределения постов) и иные статистически и содержательно установленные факты.

2. В Сибири, как и в целом по стране, во второй половине XIX – начале XX в., но особенно явственно на рубеже столетий сформировались признаки начавшейся демографической модернизации. В нашем крае они были менее ярко выражены, чем в Европейской России. В городах Сибири, особенно в крупнейших, они проявились определеннее, чем в селениях, в Западной Сибири были более заметными, чем в Восточной²⁰.

Материалы настоящей статьи, как мне представляется, свидетельствуют о наличии следующих *признаков демографического перехода в Сибири*: латентное снижение интенсивности брачности, явное сокращение общих коэффициентов смертности, увеличение естественного прироста населения до масштабов демографического взрыва. За пределами статьи остался анализ таких новых тенденций, как уменьшение людности семьи и семейного домохозяйства, упрощение их структуры, выравнивание количества мужчин и женщин в населении, повышение брачного возраста, увеличение количества повторных браков и т. п. Безусловно, специфика Сибири – интенсивно заселяемой аграрной окраины, экономической колонии, района преимущественного развития капитализма вширь накладывала свой отпечаток на характер и темпы стартового этапа демографической модернизации.

Есть своя специфика и в деятельности ученых, изучающих демографические процессы в досоветской Сибири. Некоторые особенности наличной источниковой базы нашей исследовательской работы, специфические трудности и перспективы последней можно показать на примере изучения еще одного сюжета – о росте продолжительности жизни как явлении, характерном для демографической модернизации.

Продолжительность жизни сибиряков

Продолжительность жизни населения – это важный интеграционный показатель уровня и характера развития демографической сферы общества.

Правильнее сказать – целое гнездо показателей, поскольку в демографии вычисляют среднюю продолжительность предстоящей жизни для лиц различного возраста, отсроченную среднюю продолжительность предстоящей жизни, медианную, модальную продолжительность жизни и другие величины, отличающиеся друг от друга по значению²¹. Чаще всего оперируют величинами *средней продолжительности предстоящей жизни для новорожденных*, которую иногда для краткости именуют *средней продолжительностью жизни*. Вычисление этого показателя применительно к какому-то конкретному историческому моменту требует сведений: 1) о возрастной структуре всего жившего в указанный момент населения с годовым интервалом; 2) о годовом распределении возраста всех умерших хотя бы за один полный год до интересующего нас момента и в течение года после него.

Историко-демографы, изучающие досоветский период отечественной истории, знают, что комплекс указанных сведений существует только по Европейской России конца XIX столетия. По той же Европейской России путем экстраполяции данных Всероссийской переписи населения 1897 г. и других источников специалистами была воссоздана следующая динамика: с середины XIX в. до Первой мировой войны средняя предстоящая продолжительность жизни для новорожденных выросла примерно на 7–8 лет. Согласно оценке, в 1894–1903 гг. в Центре страны она составляла 30,8 лет у мужчин, 32,6 – у женщин. В 1904–1913 гг. соответствующие показатели равнялись 32,4 и 34,5 лет²². По городам и селениям показатели не дифференцированы, однако и в таком виде они свидетельствуют о начале движения страны к новому типу воспроизводства населения, для которого, в частности, характерен медленный темп физической смены поколений при высокой продолжительности жизни.

Историкам-сибироведам не повезло с демографической статистикой: за весь досоветский период (и далее до 1926–1927 гг.) не существует комплекса обобщенных данных, которые позволили бы надежно определить среднюю

продолжительность жизни населения Сибири, ее отдельных достаточно обширных местностей, городских или деревенских комплексов. А. Н. Сагайдачный был одним из немногих, кто пытался работать хотя бы в локальных масштабах. Он создал необходимую базу данных по волостному селу Викулово Тарского округа-уезда Тобольской губернии за период 1863–1914 гг. путем обработки первичных источников – карточек переписи 1897 г. и метрических книг местной Троицкой церкви. На основе этих данных, как положено в таком случае, была построена таблица смертности и определен искомый показатель – 24,3 года²³. Если эта цифра верна, она в статике фиксирует среднюю продолжительность жизни лишь в одном из многих тысяч сибирских селений. При этом, как выясняется, типичным для Сибири в демографическом отношении с. Викулово не являлось, при таких его коэффициентах за 1863–1914 гг.: брачность – 9,5, рождаемость – 40,5, смертность – 39,1, естественный прирост населения – всего 1,4 ‰²⁴ (сравните с приведенными выше показателями по селениям Сибири рубежа веков).

Что касается сибирских городов, то историки до сих пор продолжают пользоваться малопригодным показателем – воспроизводят данные о *среднем возрасте умерших* в конкретный период, высчитанные статистиками середины XIX – первой трети XX в.²⁵ Показатель этот малоинформативен хотя бы по той причине, что сильно зависит от масштабов миграции (в конкретном городе умирают люди, родившиеся и даже постоянно живущие в разных местностях). В одной из моих работ давался анализ и других применявшихся в исследовательской практике паллиативных вариантов определения продолжительности жизни сибиряков – горожан и деревенских жителей²⁶. Системные изменения демографической сферы регионального сообщества во времени с помощью суррогатных методов определения продолжительности жизни и имеющихся вторичных источников выявить невозможно.

Мне известен лишь один источник по Сибири второй половины XIX – начала XX в., который позволяет в некоторой степени уловить динамику

продолжительности жизни, но только по сравнительно небольшому региону. Это данные о смертности населения г. Киренска и Киренского округа Иркутской губернии в 1873–1897 гг., на основе которых можно вычислить *распределение умерших по возрастам*, дифференцировав полученные показатели по трем хронологическим этапам. При этом выясняется, что в 1873–1882 гг. пик смертности для взрослых людей приходился на возраст 30–40 лет, в 1883–1892 гг. – на 40–50 лет, а в 1893–1897 гг. чаще всего взрослые умирали уже в возрасте 60–70 лет. В то же время последовательно сокращалась среди умерших доля младенцев в возрасте до года. Если в 1873–1882 гг. на них приходилось 45,1 %, то в 1893–1897 гг. – уже только 43,3%. Уменьшилась среди всех умерших и доля детей до 5 лет – от 64,8 до 63,5 %²⁷. Это позволяет предположить, что в Иркутской губернии, как, скорее всего, и в масштабах всей Сибири в изучаемую эпоху продолжительность жизни увеличивалась темпами, сопоставимыми с таковыми в Европейской России. По моей оценке, которая опирается на косвенные данные (например, о возрастной структуре населения), ожидаемая продолжительность жизни для новорожденных в Сибири на рубеже XIX–XX вв. могла быть даже несколько выше, чем в Европейской России, составляя примерно 33–35 лет.

Более точные и достоверные показатели динамики продолжительности жизни сибиряков, характеризующие стартовый этап демографической модернизации в нашем регионе, могут появиться только путем создания и последующей обработки возможно более полных баз данных о возрастном распределении жителей Сибири, умерших хотя бы в течение года до проведения Всероссийской переписи населения в 1897 г. и года после нее. Иначе говоря, требуется развитие того направления историко-демографических исследований, у истоков которого в научном сообществе Сибири среди немногих специалистов находился А. Н. Сагайдачный. Смысл деятельности представителей этого направления можно обозначить так: описание и объяснение региональных, локальных и поселенческих аспектов демографической ситуации и демографических процессов в условиях

досоветской России на основе создания полных баз данных, извлеченных из первичных материалов переписей городского и сельского населения, метрических книг и иных материалов первичного учета состояния и движения населения. Решение указанной задачи требует привлечения подготовленных кадров, немалых затрат средств и времени, но научная актуальность ее не вызывает сомнений.

¹ См.: Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975; Горюшкин Л. М. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975. С. 75–89; Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50–69 и др.

² См.: Пронин В. И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 88–102; Зверев В. А. Особенности естественного движения городского и сельского населения Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Город и деревня... С. 103–113; Население Западной Сибири в XX в. / Отв. ред. Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. Новосибирск, 1997. С. 18–21, 38–40, 55–57, 67–69, 89–94, 105–110, 131–134, 150–153 и др.

³ См.: Сагайдачный А. Н. Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2000.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ См.: Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 112–157; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 209–211; Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. М., 2006. С. 9–17, 62–64 и др.

⁶ Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за... [1891–1895 гг.] СПб., 1894–1898; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.] СПб.; Пг., 1905–1916.

⁷ Обзор Акмолинской обл. за... [1897–1904, 1906–1914 гг.] Омск, 1898–1915; Обзор Забайкальской обл. за... [1897–1908, 1910–1911 гг.] Чита, 1898–1909, 1914–1915; Обзор Иркутской губ. за... [1897–1914 гг.] Иркутск, 1898–1915; Обзор Тобольской губ. за... [1897–1908, 1910–1914 гг.] Тобольск, 1898–1909, 1912–1916; Обзор Томской губ. за... [1897–1912 гг.] Томск, 1898–1914; Статистический обзор Енисейской губ. за... [1897–1914 гг.] Красноярск, 1899–1915. «Ведомости о движении народонаселения» приложены к текстам обзоров.

⁸ Миронов Б. Н. Социальная история России... С. 173.

⁹ Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003. Ч. 1. С. 123–124.

¹⁰ См.: Зверев В. А. Семейная и брачная структура: Конец XIX – начало XX в. // Население Западной Сибири в XX в. С. 55.

¹¹ См. подробнее: Зверев В. А. «Любо – так к венцу»: Брачность русского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Православные традиции в народной культуре восточнославянского населения Западной Сибири в конце XIX – XX в. Новосибирск, 2005. С. 12–13.

¹² Миронов Б. Н. Социальная история России... С. 179.

-
- ¹³ Зверев В. А. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: Проблемы регион. истории и ист. образования. Новосибирск, 1999. С. 138 (табл. 3).
- ¹⁴ См., например: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1983. С. 183 (табл. 8). Здесь в тематических заголовках таблицы и ее столбцов неверно указано значение показателей – «‰, на 100 чел. населения», вместо «‰, на 1000 чел.», что завышает реальные масштабы естественного движения населения в 10 раз.
- ¹⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России... С. 190–191.
- ¹⁶ Зверев В. А. Воспроизводство сибирского населения... С. 133 (табл. 1).
- ¹⁷ Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX в.: управление, экономика, население. Томск, 2000. С. 116 и др.
- ¹⁸ Воспроизводство населения в СССР / Под ред. А. Г. Вишневого, А. Г. Волкова. М., 1983. С. 250–251.
- ¹⁹ Зверев В. А. Воспроизводство сибирского населения... С. 142 (табл. 5).
- ²⁰ Подробнее см.: Зверев В. А. Начало и особенности демографического перехода в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск, 2005. Т. 3. С. 22–26.
- ²¹ См., например: Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. И. Валентей. М., 1985. С. 348–349, 460–461.
- ²² Воспроизводство населения в СССР. С. 61 (табл. 2.5).
- ²³ Сагайдачный А. Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000. С. 93–94.
- ²⁴ Там же. С. 80, 83, 89, 94.
- ²⁵ См.: Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири... С. 158–160.
- ²⁶ См.: Зверев В. А. Продолжительность жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. (историография проблемы) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири. Новосибирск, 1997. С. 94–102.
- ²⁷ Подсчитано по: Кокоулин К. К. Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ.: (Брачность. Рождаемость. Смертность) // Известия / Рус. Геогр. о-во, Вост.-Сиб. отд. 1903. Т. 34, № 2. С. 144–146.